

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

6 (238) •
июнь 2018

УТВЕРЖДЁН ТЕКСТ СЛУЖБЫ
СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ
АЛЕКСИЮ МОСКОВСКОМУ
стр. 2

«МЫ ТВЁРДО УБЕЖДЕНЫ,
ЧТО НЕДУГИ СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА МОГУТ БЫТЬ
ИСЦЕЛЕНЫ И УВРАЧЁВАНЫ
ТОЛЬКО ЦЕРКОВЬЮ»
стр. 12

ТУРКЕСТАНСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
БРАТСТВО
стр. 24

ТЕМА

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

стр. 16

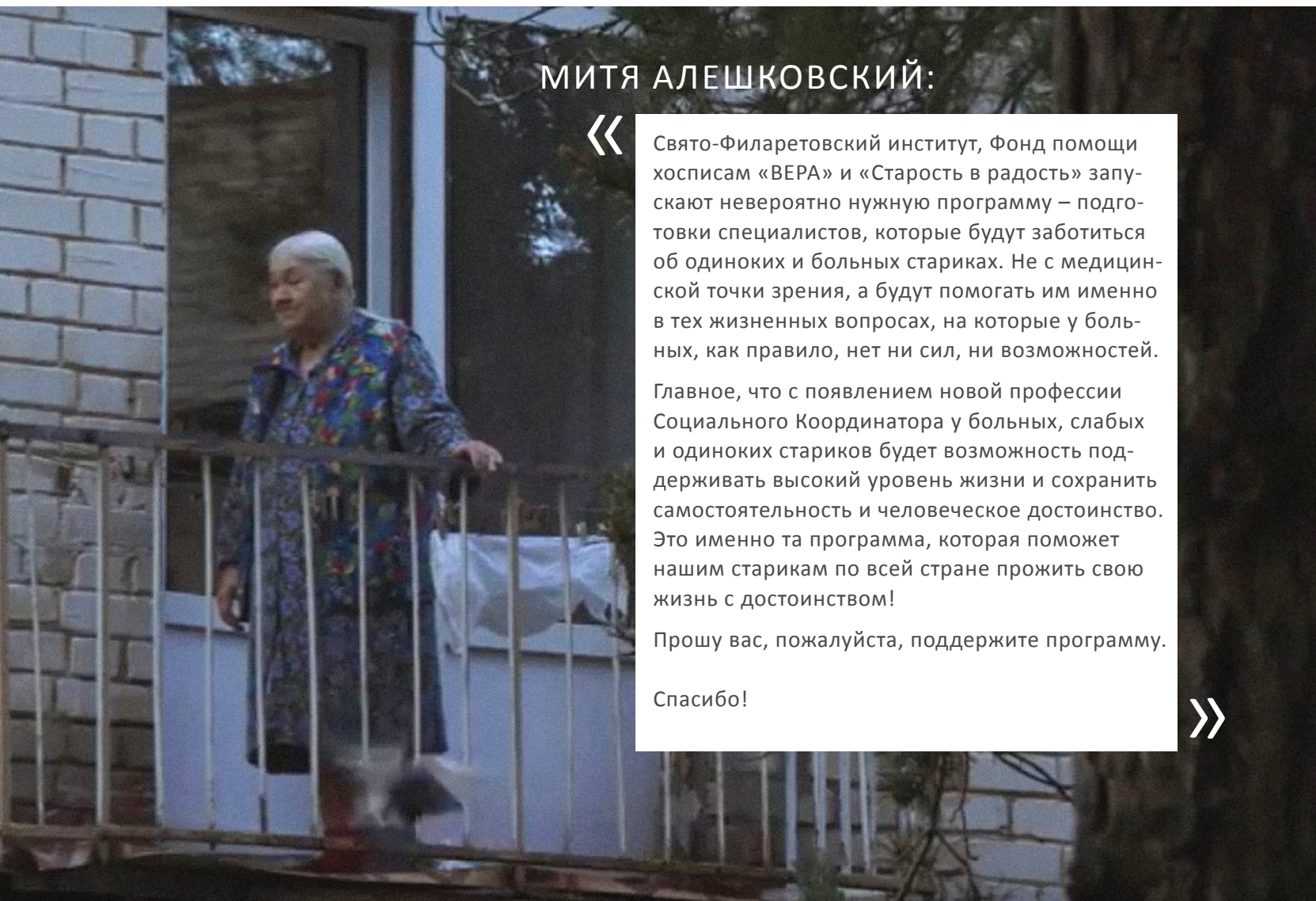
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

17–19 АВГУСТА

В Москве будет проходить четвёртый ежегодный фестиваль «Преображенские встречи». Организатор фестиваля – Преображенское содружество малых православных братств. Задача форума – создать площадку для открытого разговора о наиболее важных сторонах жизни церкви и общества в России.

МИТЯ АЛЕШКОВСКИЙ:

Свято-Филаретовский институт, Фонд помощи хосписам «ВЕРА» и «Старость в радость» запускают невероятно нужную программу – подготовки специалистов, которые будут заботиться об одиноких и больных стариках. Не с медицинской точки зрения, а будут помогать им именно в тех жизненных вопросах, на которые у больных, как правило, нет ни сил, ни возможностей.

Главное, что с появлением новой профессии Социального Координатора у больных, слабых и одиноких стариков будет возможность поддерживать высокий уровень жизни и сохранить самостоятельность и человеческое достоинство. Это именно та программа, которая поможет нашим старикам по всей стране прожить свою жизнь с достоинством!

Прошу вас, пожалуйста, поддержите программу.

Спасибо!

Содержание

ИЮНЬ 2018

~ Новость номера

Утверждён текст службы
святому праведному
Алексию Московскому | 2

~ Событие

«Наши российские Голгофы
должны научить всех нас
тому, что вера Христова
не может быть
истреблена» | 3

~ Конференции

Христианская община
в безрелигиозном
мире | 8

~ Проблемы воспитания

Сперва любить,
потом – учить | 10

Сами думайте,
как лучше | 26

~ Тема номера

«Поистине Бог творит
чудеса, но и нам надо
работать» | 16

~ Письма читателей

Памяти
митрополита
Корнилия | 23

~ Проблемы истории

О своей революции
французы спорили
весь девятнадцатый
век | 28

~ Церковь и культура

Философия
и «вторая культура» | 31

~ Живое предание

«Мы твёрдо убеждены,
что недуги современного
общества могут быть
исцелены и уврачеваны
только Церковью» | 12

Братский помянник | 22

Туркестанское
православное братство
| 24

В Подмосковье
прошла конференция,
посвящённая природе
Церкви и её границам | 6

Издание Преображенского содружства
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:

А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:

105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7-495-624-92-50

Электронный адрес редакции:

gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Светлана Калинина,
Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».

Газета издаётся с октября 2002 г.
Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –

ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,

тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve

Телефоны распространителей

Москва:

+7-910-421-64-60

(Анна Гринман),

+7-903-100-93-73

(Денис Кудряшов)

Санкт-Петербург:

+7-963-316-39-81

(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-50-35

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-03-91

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-909-551-20-11,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-43-05

(Ольга Кузнецова)

США, Канада: +1-651-210-49-22,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки:

Общий вид на г. Пермь с Городских Горок. Фотография Прокудина-Горского. Начало XX в.

На четвертой странице обложки:

Фотографии убитых в Екатеринбурге и Алапаевске. Фотография царской семьи сделана в Тобольске (конец 1917 или начало 1918 г.).

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября
2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 6 июня 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 16 июня 2018 г.

В этот раз в самых разных материалах речь идёт о церковном возрождении. Казалось бы, именно это стоило бы сделать темой номера. Однако церковь живёт хотя «не от мира», но

в мире, и всё, что происходит с ней, не может не отражаться на жизни всех людей. Именно поэтому о Русской Катастрофе новомученики и исповедники могли сказать: «Суд Божий свершается *над церковью*

Русской»... И преодоление страшных последствий этой катастрофы возможно лишь на пути подлинного возрождения церкви, того возрождения, которое совершается и в каждом из нас, и посреди нас... **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

Утверждён текст службы святому праведному Алексию Московскому

О значении появления новых богослужебных текстов для почитания недавних святых размышляют преподаватели Свято-Филаретовского института

Екатерина Степанова, преподаватель истории церкви в Богословском колледже при СФИ: Конечно, церковному народу важно знать и почитать своих недавних святых. Симеон Новый Богослов писал, что тот, кто не стремится соединиться с последним, т. е. самым близким по времени к нему, святым, тот не сможет соединиться и с другими, даже если ему кажется, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и всем святым. Но, на мой взгляд, очень важно, чтобы такое почитание именно входило в жизнь церковного народа, а для этого иметь текст службы ещё недостаточно. Тот или иной принятый текст молитвы скорее может свидетельствовать о почитании, когда оно есть, быть его выражением. А вот насколько он может инициировать почитание, это, мне кажется, вопрос. В случае отца Алексия, насколько я знаю, молитва родилась как раз из его церковного почитания в маросейской общине и несколько лет звучала в храме

свт. Николая в Клённых, прежде чем получила рекомендацию к общецерковному распространению.

З.М. Дашевская, декан богословского факультета, преподаватель литургики: Старец Алексей Мечёв для Москвы фигура знаковая, и очень важно, что в Москве есть его живое реальное почитание. Мне в связи с этим в первую очередь вспоминается Свято-Алексеевское малое православно-братство, которое носит его имя, занимается его наследием и со вниманием относится к его слову и делу.

К богослужебным текстам, которые появляются сегодня, следует относиться со вниманием. В Институте русского языка РАН много лет проводится конференция «Современная православная гимнография». Один из самых актуальных вопросов в связи с новой гимнографией, посвящённой святым последнего столетия, на мой взгляд – насколько духовный дар и духовные плоды служения конкретного человека действи-

тельно раскрываются в тексте службы, которая ему посвящена и о нём написана. Об о. Алексии есть прекрасные книги, собраны воспоминания, и мы хорошо знаем, как он исполнял волю Божию, будучи настоятелем очень горячего, очень сердечного прихода, в котором собиралась живая церковная община. Именно в этом приходе возникли по инициативе его сына, священномученика Сергея Мечёва, малые общины – покаяльно-богослужебные семьи. К сожалению, в тексте новосоставленного последования о. Алексей прежде всего – утешитель и молитвенник, но его служение собирания народа Божьего практически не отражено. На мой взгляд, отсутствие такого рода свидетельства весьма существенно, поскольку мы как бы проходим мимо откровения воли Божьей о созидании общин и братств, Его воли, которая была явлена в нашей церкви в XX веке. Ведь о. Алексей не просто утешал тех, кто приходил на приход, а потом уходил;

Святой праведный Алексей Мечёв с членами общины и их детьми

он созидал живые связи между людьми, собирал Божий народ. Старец Алексей Московский и его сын священномученик Сергей Мечёв – это подлинные святые ходатаи за общинно-братскую жизнь в Русской церкви. И слава Богу, что мы можем обращаться к ним, чтобы они молились за нас, за наш разрозненный, разобщённый город и людей, живущих в нём, за нашу страждущую церковь, чтобы живые связи, узы Христовой любви создались между людьми, которые её ищут и жаждут. **КФ**

«Наши российские Голгофы должны научить всех нас тому, что вера Христова не может быть истреблена»

Святейший Патриарх Кирилл совершил на Левашовском мемориальном кладбище освящение храма Всех святых, в земле Санкт-Петербургской просиявших

По материалам пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси. Фото с сайта Патриархия.ги и из архива Свято-Петровского братства

Храм Всех святых, в земле Санкт-Петербургской просиявших

12 мая Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Левашовское мемориальное кладбище – одно из крупнейших кладбищ Санкт-Петербурга, бывший специальный расстрельный полигон НКВД. Здесь предстоятель Русской православной церкви совершил малое освящение деревянного храма Всех святых, в

земле Санкт-Петербургской просиявших, построенного в память о жертвах массовых расстрелов.

Митрополит Санкт-Петербургский Варсонофий подарил Святейшему патриарху икону новомучеников Левашовских и рассказал, что только на этом месте погребено более 40 тысяч человек, которые были расстреляны в 1937–1938 годах. Среди них было много священ-

нослужителей и активных мирян.

Предстоятель Русской церкви обратился к собравшимся и сказал:

«Дорогие владыки, отцы, братья, сестры! Христос Воскресе!

Я с особым чувством вступил сюда, на эту Левашовскую землю, окропленную кровью многих невинных людей, в том числе тех, кто пострадал за веру. Знаю, как давно у духовенства Санкт-

Анастасия Наконечная подарила патриарху номер «Кифы», рассказывающий об установленном в Левашове кресте в память репрессированных братчиков

Петербурга вызревала мысль построить здесь храм. Вспоминаю наши разговоры с присутствующим здесь отцом Владимиром. Очень часто я беседовал на эту тему и с ушедшим от нас архидиаконом отцом Андреем Мазуром, который нет-нет да подходил ко мне и спрашивал: “Ну, когда же в Левашово будет храм построен?” И вот по милости Божией храм построен, и поэтому, когда я узнал о том, что эта мечта, эта надежда многих клириков Санкт-Петербурга и моя собственная осуществлена, я принял решение посетить это место и совершить хотя бы малое освящение. Сегодня всё это действительно состоялось.

Мы находимся с вами на особом месте. Много таких мест по всей Руси: Бутово в Москве, Левашово в Санкт-Петербурге... Это наши Голгофы. И как та Голгофа, на которой Христос был распят, очень многому научила весь мир, так и наши российские Голгофы должны, во-первых, научить всех нас тому, что вера Христова не может быть истреблена из рода человеческого. Даже если стремление уничтожить веру становится политической задачей могущественных правителей целых государств – ничего не получается.

Памятники в Левашове

Конечно, в 1937 году, о котором сейчас вспомнил владыка, почти никто уже, празднуя 20-летие революции, не думал о Православии как о факторе, способном повлиять на жизнь народа. Но произошло нечто удивительное. В то время была проведена перепись населения, и большинство наших людей в год страшных гонений сказали, что они православные! Трудно представить, что означало тогда поставить

свою подпись под этим опросным листом, но наши отцы, деды и прадеды это сделали. И это был первый знак власти, что никакие гонения не способны истребить веру из человеческих сердец. Потом многому нас научила война, и гонения были приостановлены, хотя никогда не прекращалась борьба с религией, с верой православной.

И вот сегодня, когда на этом скорбном месте, где погибли

Конечно, в 1937 году почти никто уже не думал о Православии как о факторе, способном повлиять на жизнь народа. Но произошло нечто удивительное. В то время была проведена перепись населения, и большинство наших людей в год страшных гонений сказали, что они православные! И это был первый знак власти, что никакие гонения не способны истребить веру из человеческих сердец. Потом многому нас научила война, и гонения были приостановлены, хотя никогда не прекращалась борьба с религией, с верой православной.

многие наши предшественники, в том числе представители петербургского духовенства, мы совершаем освящение, как же мне радостно видеть всех вас, наполняющих этот храм, — людей, родившихся много лет спустя, принадлежащих уже к совершенно иной эпохе! Ваше присутствие здесь, на этом месте, есть живой символ присутствия веры православной в самых недрах нашей народной жизни, из которых и произрастает каждое последующее поколение людей. И дай Бог, чтобы никогда, ни при каких условиях народ наш не отказался от православной веры. Ибо история учит, что вера способна возродиться и возродить души людей не только к жизни вечной, но и к полноте жизни здесь, на земле, — к той самой жизни, которая вместе с Богом в сердце человеческого действительно обеспечивает полноту бытия.

Хотел бы ещё раз сердечно поблагодарить всех тех, кто потрудился для строительства этого храма, который, конечно, будет наполняться людьми, в том числе теми, кто будет приезжать на это место скорби, чтобы помолиться о наших новомучениках, исповедниках и вообще о всех тех, кто был невинно рас-

стрелян здесь или в других местах тогдашнего Ленинграда, но здесь похоронен. Будем помнить это место. Будем помнить великий пример мученичества и исповедничества нашего народа в тяжёлые годы и хранить в сердце своё веру православную».

Предстоятель Русской церкви в сопровождении митрополита Варсонофия и других иерархов возложил цветы к Поклонному кресту на мемориальном кладби-

ще. Священнослужители возгласили «Вечную память» всем, за веру и правду в годы гонений на месте сем убиенным, и пропели тропарь праздника Пасхи. Потом патриарх прошёл по местам захоронений, слушая пояснения А.Я. Разумова, руководителя Центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке, редактора Книги памяти «Ленинградский мученик». КФ

Патриарх Кирилл и А.Я. Разумов в небольшом музее, расположенном в сторожке Левашовского кладбища

В Подмосковье прошла конференция, посвящённая природе Церкви и её границам

В ней приняли участие исследователи из России, Греции, Германии, Румынии и более 100 слушателей из разных городов России и зарубежья

Конференция Свято-Филаретовского института, в течение многих лет ставившая в центр проблемы просвещения, вот уже второй год посвящена вопросам экклезиологии.

В прошлом году обсуждались различные аспекты евхаристической экклезиологии о. Николая Афанасьева; в этом году участники конференции сосредоточились на проблемах соборности и границ церкви. Время же проведения конференции (она началась в День Святого Духа) неизбежно задавало пневматологический контекст.

Начавшись установочным докладом Д.М. Гзгзяна, представившего аудитории динамический и статический образ церкви от её рождения до эсхатона, обсуждение коснулось апостольских традиций и надолго остановилось в эпохе русского религиозно-философского ренессанса: в течение первого дня работы конференции прозвучали доклады, посвящённые учению о Церкви А.С. Хомякова, богословскому наследию Н.П. Аксакова, трудам В.С. Соловьёва о Церкви как Богочеловечестве, экклезиологическим взглядам прот. Сергия Булгакова... Между этими именами выявлялась не только прямая, но и косвенная, не для всех очевидная связь (так, А.П. Козырев назвал в своём докладе философа С.Н. Трубецкого человеком, создававшим своими трудами связь между Хомяковым и Соловьёвым...)

Немного особняком на первый взгляд стояло в этом ряду имя протопресвитера Александра Шмемана, но и его, как оказалось, можно считать, по словам Никиты Алексеевича Струве (которые напомнил в дискуссии священник Георгий Кочетков) последним наследником и последователем Хомякова.

Второй, завершающий день конференции был посвящён церковному собранию. О нём размышляли в самых разных контекстах – юридическом и литургическом, пастырско-практическом и мистическом.

Главным итогом совместных размышлений стала убеждённость в том, что при определении границ церкви на первое место необходимо ставить прежде всего те качества, которые связаны с мистической церковью. А экклезиологические проблемы жизненно важно ставить всерьёз снова и снова.

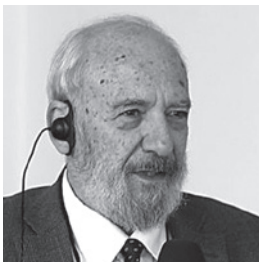
Одной из самых привлекательных сторон конференции многие называли содержательную и заинтересованную дискуссию. В ней не раз звучали не только вопросы, но и реплики, дополнения, главным же её мотивом оставалась надежда, что широкое заинтересованное обсуждение проблем экклезиологии может стать одним из путей церковного возрождения. Беседа порой не прекращалась и после заседаний: у кого-то самым ярким впечатлением этих двух дней оказался разговор о славянофилах во время прогулки.

Ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков:

В этом году мы продолжили обсуждение экклезиологических тем, а продолжать всегда труднее, чем начинать. Тем не менее конференция продолжается, и продолжается на очень высоком уровне. Интерес к ней не снижается, видны перспективы дальнейшего исследования и дальнейшего обсуждения, поднимаются очень актуальные вопросы – и всё это просто замечательно. Дай Бог, чтобы эти проблемы обсуждались не только нами, чтобы они были интересны более широкому кругу людей – потому что всё, что связано с церковным возрождением, касается жизни всякого человека, который прямо или косвенно связывает себя с православной церковью, православной верой, православной жизнью, православной традицией. Вот это я считаю самым главным.

Было много просто выдающихся докладов, были прекрасные обсуждения и, по-моему, совершенно адекватное восприятие. Конечно, судить окончательно рано, всегда нужно, чтобы прошло какое-то время. Надо смотреть по плодам. Но я очень надеюсь, что эти плоды будут.

Почётный профессор кафедры богословия Университета имени Аристотеля в Салониках Петрос Василиадис: Несмотря на мою перегруженность и многочисленные обязательства, я очень хотел участвовать в этой конференции, потому что тема экклезиологии широко обсуждается в богословских кругах, она была и одной из главных тем Критского собора. Несогласие между некоторыми людьми, иерархами и даже Поместными церквями, которые не приняли участия в нём, связано в том числе с тем, что там обсуждались проблемы границ церкви.

До этого в течение двух тысячелетий единственным подходом к определению границ церкви был канонический подход. В целом признавалось, что не

спасётся никто из находящихся вне её канонических границ. Но Дух Святой действует не таким образом.

Многие годы казалось сомнительным, что православные смогут обсуждать, а тем более открыто принимать существование мистических и мистериальных границ церкви. То, что здесь, на конференции, такое обсуждение происходило, произвело на меня большое впечатление. В дискуссии не раз звучали мысли, необходимые для будущего развития православного богословия.

Протоиерей Александр Лаврин (Москва):

Все доклады чрезвычайно ёмкие и очень интересные; обзорные, но при этом очень профессионально, грамотно построенные, поэтому принципиальные точки главной темы, безусловно, в каждом были открыты. Лично для себя я выделил доклад о Хомякове, потому что мне интересен он сам как личность. Особенно «зацепили» процитированные в докладе слова Хомякова о том, почему он лучше говорил, чем писал. Сам он объяснял это тем, что высказанное слово живет слушателей, но ещё больше говорящего. Это так верно! В высказанном слове есть тайна. Я говорю здесь не о том, что переживает человек, а именно о том, что происходит, когда это слово высказывается. Очень часто то, что внутри решается и никак не может решиться, через высказанное слово претворяется в некое дело, становится ясным. Эта просто высказанная, но на самом деле глубокая мысль мне очень близка, и над ней ещё стоит подумать.

Священник Николае Мошойу (Сибиу): Я был три года назад на конференции в СФИ. И ехал сюда с большой радостью, зная, что встречу людей, которые любят церковь. Я нашёл хорошо организованную общину и братство, которые делают важные вещи для церкви. **КФ**

Христианская община в безрелигиозном мире

Фрагмент доклада, прозвучавшего на студенческой конференции
Санкт-Петербургской духовной академии

25 -26 апреля в Санкт-Петербургской духовной академии прошла X Международная студенческая научно-богословская конференция. В ней приняли участие студенты из 6 стран, 20 городов и из 27 высших учебных заведений. Мы предлагаем читателям фрагменты одного из

прозвучавших на конференции докладов. Сообщение Юлии Штонды, аспирантки Воронежского государственного университета, студентки магистратуры Свято-Филаретовского православно-христианского института было посвящено теме «Христианская община в безрелигиозном мире (по письмам пастора Дитриха Бонхёффера из тюрьмы)».

Здание Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии

Дитрих Бонхёффер

Тема устройства церкви и христианской общины является чрезвычайно значимой для богословия Дитриха Бонхёффера (1906–1945 гг.), известного

лютеранского пастора, активного члена движения немецкого Сопротивления в годы II Мировой войны. Ей он посвятил свои главные богословские сочинения: диссертацию «Sanctorum Communio», книги «Жить вместе», «Хождение вослед», а также многие другие труды.

Уже в диссертации «Sanctorum Communio», защищённой в 1927 г., Бонхёффер определяет, что церковь – это Христос, существующий как община. В книге «Жить вместе» он определяет общину как «единение через Иисуса Христа и в Иисусе Христе». Возможность собираться вместе для христиан является величайшим даром, но эта милость дана не всем: «Узники, больные, миссионеры в языческой стране – все они пребывают в одиночку». Они

знают, что общинные встречи – это большая милость. Поэтому именно «телесное присутствие других христиан является для верующего источником ни с чем не сравнимой радости и твёрдости духа».

Бонхёффер ставит вопросы, актуальные для всех христиан, независимо от конфессиональной принадлежности: «Кто для нас Христос сегодня?», «Что означают церковь, община, проповедь, литургия, христианская жизнь в безрелигиозном мире? Как мы можем говорить о Боге – без религии, т. е. без обусловленных временем предпосылок метафизики, душевной жизни человека и т. д., и т. п.? Как можем мы говорить (или, может быть, об этом даже нельзя “говорить” как прежде) “мирским” языком о Боге, как

Христианская община в безрелигиозном мире, согласно Бонхёфферу, это община «для других», которая не стремится обособиться от мира, но живёт в нем, сохраняя при этом свою внутреннюю жизнь, общение, регулярное богослужение, участвуя в таинствах. Бонхёффер рассматривает мир не как некую враждебную для христиан среду, а как место служения христианской общины в самоумалении по образу Христа.

Дитрих Бонхёффер с конфирмантами. 1932 г.

можем мы быть “мирскими и безрелигиозными” христианами...?»

Двадцатый век стал временем испытаний для церкви как на Востоке, так и на Западе. В ситуации гонений, когда пастыри и служители подвергаются тюремному заключению, ссылкам и лагерям, выявляется сущность Церкви в Христовой любви между верующими людьми.

В письмах из Тегельской тюрьмы, изданных под названием «Соппротивление и покорность», Бонхёффер продолжает размышлять о Христе и о месте христианской общины в современном безрелигиозном мире. Он утверждает, что мир стал «совершеннолетним», зрелым¹, и если раньше люди прибегали к Богу в вопросах познания мира и человека, то теперь они научились отвечать на самые сложные вопросы без Бога. В ситуации, когда мир достиг «совершеннолетия» в познании, вопрос свидетельства о Христе открывается по-новому.

Среди писем находится план работы, текст которой, к сожалению, не сохранился. В этом

плане – новые важные мысли об устройстве христианской общины. Размышления автора устремлены в будущее, он явно ориентируется на церковную жизнь после окончания войны. В плане третьей главы Бонхёффер пишет: «Церковь является церковью, когда она для других», потому что Иисус есть «Человек для других» и «вера – это участие в этом бытии Иисуса», в Его «бытии для других» и вместе с другими. Понимание общины в этом размышлении, как и в других сочинениях Бонхёффера, имеет христологическое обоснование. Бытие церкви выявляется «не на границах, но в центре мира», в событиях жизни.

Бонхёффер затрагивает и вопрос земного устройства христианской общины. Церковь, как он считает, должна принимать участие в мирской жизни общества, не господствуя, но помогая и служа. Чтобы это было возможно, ей необходимо отказаться от собственности; пасторы не должны получать зарплату в церкви, должны «иметь мирскую профессию» и работать по ней или жить

на пожертвования общины. Бонхёффер мечтает о церкви, свободной от государства, которая официально и структурно нацелена на то, чтобы её состояние и будущее укреплять не силой, положением или привилегиями.

В письмах из тюрьмы христология страдания ради других в секулярном мире понимается как норма христианской жизни. Христианская община в безрелигиозном мире, согласно Бонхёфферу, это община «для других», которая не стремится обособиться от мира, но живёт в нем, сохраняя при этом свою внутреннюю жизнь, общение, регулярное богослужение, участвуя в таинствах. Бонхёффер рассматривает мир не как некую враждебную для христиан среду, а как место служения христианской общины в самоумалении по образу Христа.

В последнем послании, которое Бонхёффер передал в день своей казни, 8 апреля 1945 г., говорилось: «Я верю, что для меня это не только конец, но и начало». **КФ**

¹ Понятие *mündig* (зрелый) Бонхёффер, очевидно, использовал в контексте понятия *Unmündigkeit* (незрелость/несовершеннолетие), которое раскрыл Иммануил Кант в статье «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?»:

«Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого... Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения».

Сперва любить, потом – учить

Из беседы членов Свято-Алексеевского братства (Москва) и Свято-Петровского братства (Петербург) после экскурсии по школе Карла Мая

Беседовала Анастасия Наконечная.

Фото из материалов выставки «Город, которого нет» (Санкт-Петербург)

Фасад Петербургской школы Карла Мая

Каково Ваше главное впечатление от встречи с музеем школы Карла Мая и его основателем – Никитой Владимировичем Благово?

Лилия Пахомова: Впечатление сильное, во-первых, от Никиты Владимировича. Он сам – носитель тех качеств, которые в этой школе воспитывали. И, во-вторых, от самого принципа воспитания, восходящего к девизу Яна Коменского: «Сперва любить, потом – учить». Он ведь важен не только по отношению к педагогике.

Удивительно, какие люди вышли из этой школы и какие плоды принесли. Казалось бы, главной задачей в школе было воспитание, они не ограничивались целью дать образование, но сколько оттуда вышло учёных, в том числе академиков!

Илья Моделкин: Для меня важно было увидеть бережное отношение к истории людей, к самим людям, когда память о человеке сохраняется и ценится. И это очень созвучно с тем, чем мы занимаемся

сейчас в братстве, с восстановлением истории наших семей, наших предков, вообще с изучением истории, особенно XX века.

Очень трогает отношение Никиты Владимировича к выпускникам. Ведь у нас в стране и вообще в мире идёт процесс обратный, и человек как личность, как некое особое, уникальное существо, которому Бог дал личную харизму, стирается и приобретает черты массовости. А он с таким вниманием относится к каждому, независимо от того, министр он или слесарь, учёный или тренер детской футбольной команды, и старается сохранить его имя и в памяти, и в истории этой школы.

Иоанна Лятс, 12 лет: Мне очень понравился поход – очень хороший был человек, который нам рассказывал о школе. В каких-то местах было сложновато, встречались изредка непонятные слова, но при этом я всё поняла. Это очень хорошо, потому что некоторые экскурсоводы любят использовать специфическую терминологию. И конечно, удивительный человек образовал эту школу – Карл Май, он имел такой талант с самого детства! Для меня это было удивительно.

В будущем я хочу стать педагогом. И я всегда придерживалась той позиции, что если ты слишком мягок с ребенком, то тебя дети не будут слушать. А сегодня из общения с Никитой Владимировичем я поняла, что Карл Май не был строгим. Его даже ученики называли «дядя Карл» – такое было к нему отношение, такая любовь совсем у разных людей, которые, может быть, и познакомились только в школе. Это для меня стало открытием.

И ещё приятно то, что эти люди собрали все данные об истории школы, хотя государство им ничего не оплачивает, весь музей существует на деньги тех,

На левой фотографии: «Четыре директора» В.А. Краснов (стоит), А.Л. Липовский (слева) и В.А. Кракау у портрета К.И. Мая в семидесятую годовщину традиционного школьного выпускного Акта 29 октября 1926 г. На правой фотографии – школьная библиотека

кто приходит на экскурсию. И из-за того, что многие люди помогают существованию музея, очень радостно становится на душе.

Екатерина Лятс: К разговору о родословной – Никита Владимирович своих предков знает с начала XIV века. И ещё мне показалось интересным то, что школа была толерантной ко всем вероисповеданиям.

Елена-Алёна Витязева: Мы как-то задавали Никите Владимировичу вопрос, были ли там какие-то богослужения и молились ли вместе христиане (православные и лютеране), иудеи и мусульмане? Он сказал, что если бы совсем не было этого элемента, наверное, это было бы странно для середины XIX века. И по-моему, он нам рассказывал, что они вместе могли, например, петь псалмы, потому что и христиане, и мусульмане, и иудеи почитают Ветхий завет.

В то же время отдельное новое здание, специально построенное для школы Карла Мая в конце XIX – начале XX века, освящал митрополит Вениамин (Казанский).

И ещё в школе Мая учились по крайней мере три будущих братчика: Дмитрий Лихачёв был в братстве Серафима Саровского и за это его на Соловки отправили. И ещё владыка Михаил (Мудьюгин) и митрополит Иоанн (Вендланд) из Александро-Невского братства.

И конечно, поражает готовность Никиты Владимировича принимать новых экскурсантов. Ему ведь 86 лет. Звоню ему накануне, говорю: «Едут паломники». А он: «Так это прекрасно! Приходите, когда вам удобно, в любое время – утром, вечером, как хотите. Только позвоните мне накануне, и я буду готов». Вот это готовность!

На днях я участвовала во встрече глав и старост молодёжных общин Петербургской епархии. И один молодой человек, глава ассоциации этих общин, сказал: «История интересна только тем, кто ею занимается, а для всех остальных – это вещь довольно скучная и в общем-то второстепенная». В связи с вашим походом в школу Карла Мая как бы вы ответили на этот тезис?

Иван Смирнов: Я совсем не историк ни по образованию, ни по профессии, но мне кажется, что любовь к истории очень сильно зависит от того, как человек был воспитан, либо как он сам себя воспитал уже во взрослом возрасте. Например, у нас в семье это всегда было принято: мы могли за ужином до часу ночи обсуждать историю и туда-сюда скакать по разным временам и странам – начинали с России, а могло закончиться чуть ли даже не в Антарктиде. И ещё – когда пытаешься узнать что-то о тех, кто жил до тебя, то история оживает. Это уже не просто какие-то абстрактные события, но ты знаешь, что твой пра-пра-прапрадед Григорий в это время жил, и тебя это не может не волновать, потому что ты – продолжение его, и тебя волнует, что тогда было, чем он жил, какие у него трудности были, какие события в то время происходили. История через это оживает. И восстанавливая связь с прошлым, ты ощущаешь ответственность перед теми людьми, ты не можешь просто так взять и спустить всё, к чему они стремились, чего достигали. А если появляется чувство ответственности, то ты уже к истории по-другому относишься. Поэтому важно восстановить связь, во многом утраченную, с нашими предками. **КФ**

«Мы твёрдо убеждены, что недуги современного общества могут быть исцелены и уврачеваны только Церковью»

К 170-летию одного из самых известных младших славянофилов Н.П. Аксакова мы публикуем его размышления о Церкви

Материал подготовила Анастасия Наконечная

Николай Петрович Аксаков – богослов-историк и канонист, младший славянофил, является автором многих трудов, посвящённых жизни церкви. Его докторская диссертация была написана на тему «Идея Божества». Наиболее напряжённая литературная деятельность Аксакова началась с 1905 года, когда в церкви встал вопрос о необходимости преобразований. Он печатался в журналах «Благовест», «Русская беседа», «Русский труд», был одним из активнейших членов «Кружка 32-х» петербургских священников, входил в Предсоборное присутствие. Сами названия его работ говорят о широте его богословских интересов: «Предание Церкви и предания школы», «Собор и выборное начало в церкви», «Соборы и патриархи», «Патриаршество и каноны», «Об избрании епископов в древней христианской церкви», «Возможны ли в церкви решающие и со вещательные голоса?», «Основы

церковного суда», «Беспредельность невежества и Апокалипсис» и др.

Книга «Духа не угашайте» была им написана в 1892 году в ответ на статью А. Тихомирова «Духовенство и Общество в современном религиозном движении». Позицию Тихомирова о том, что церковь состоит из учащего духовенства и учащихся мирян, каждый из которых должен отдельно от других заботиться о собственном спасении, Николай Аксаков разоблачает как абсолютно нецерковную, опираясь на широкий круг святоотеческих источников.

Сегодня мы предлагаем некоторые фрагменты из этой книги, на удивление не только не потерявшие своей актуальности, но ставшие, как кажется, ещё более необходимыми современным верующим.

Прежде всего народ имеет, бесспорно, значение богослужбное, молитвенное. Он воздействует на церковь и на состояние церковное своими молитвами.

Н.П. АКСАКОВ

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ!

1 Фес 5:19

Златоуст прямо говорит, что «и в молитвах, как всякий может видеть, содействует народ... При самом также совершении страшных таинств священник молится за народ, и народ – за священника. Ибо сие, а не иное что означают слова: “и со духом твоим”. И молитвы благодарения также

Ещё легче отвечать нам на клеветнический упрёк «в открыто выражаемом стремлении сверху донизу переделать Церковь». Кого это стремятся переделать покорные силе стоящей в веках Церкви православной? Единую, Соборную, Святую, Апостольскую Церковь, неизменную в течение всех двадцати столетий, которые она пережила? Но мы ведь и протестуем только против переделок, которые препятствуют ей всецело исполнять своё назначение.

Н.П. Аксаков

суть общие. Ибо не один священник приносит благодарение (евхаристию), но и весь народ» (18-я беседа на 2-е послание к коринфянам).

Исключает ли Церковь принципиально мирян из управления церковного, ограничивает ли роль верующего народа в жизнедеятельности церковной? Приведём примеры обратного отношения. Вот что говорит Киприан Карфагенский в епископском послании к клиру и народу: «В посвящении клириков, братья возлюбленные, внушаем вам прежде совещаться и нравы и достоинства отдельных лиц взвешивайте общим советом». В церковных правилах Феофила Александрийского имеется следующее: «О имеющих рукоположиться сей да будет устав. Весь собор священнослужителей да согласится и да изберёт, и тогда епископ да испытывает избранного и с согласием священства да совершит рукоположения среди Церкви, в присутствии народа и при возгласении епископа: аще может и народ свидетельствовать о нём. Тайно же да не бывает рукоположения» (Прав. 7).

Явно, что Церковь не смотрит на народ как на инертную массу, не имеющую ни церковных прав, ни обязанностей церковных. Народу бесспорно принад-

лежит и рассмотрение вопроса о принятии падших в общение церковное, в лоно Церкви, и свидетельство и рассмотрение в деле назначения клириков, касательно не только нравственности рукополагаемых, но и степени чистоты их православности. В прежние времена народ избирал епископов совокупно с клиром и съехавшимися епископами митрополии.

Не является ли сам народ как часть тела церковного носителем и хранителем вверенного Церкви предания, а иногда даже и охранителем его и защитником? Совершенно вразумительно учит знаменитое Окружное послание восточных патриархов: в Церкви «ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое (т. е. еретическое учение), потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ».

Если бы народ как само тело церковное не был хранителем преданной веры и религии, не оказывал подчас и сопротивления, а спасался бы только безусловной покорностью способным заблуждаться и впадать в ересь представителям иерархии, то Церковь не имела бы одного из существенно важных и необходимых для нее устоев, и без воздействия со стороны верую-

щего народа еретические движения, и без того разрывавшие её целостность, действовали бы ещё губительнее и ещё смелее.

...Писание, по учению отцов Церкви, является и источником веры для человека. «Что составляет главную особенность, главное свойство веры? – вопрошает Василий Великий. – Несомненная уверенность в истине боговдохновенных словес, которые не могут быть нарушены никакими рассуждениями, ни выведенным из природной необходимости, ни сложным наподобие благочестия. Что составляет особенность, свойство верующего? Пребывание в твёрдом убеждении в верности и силе сказанного и нежелании что-либо от него отринуть или что-либо к нему прибавить. Всё, что не от веры происходит, есть грех, по свидетельству апостола; вера же от слушания, а слушание от слова Божия, и потому всё внешнее для вдохновенного Писания, как исходящее не от веры, есть грех» (Ascetic. Definition. 80). «Всякое слово и дело, – говорит он в другом месте, – должно подтверждаться свидетельством вдохновенного Писания для достоверности или полного убеждения добрых и для смущения злых» (Moralium summa. Definit. 26, cap. 1). Писание заключает в

Святитель Иоанн Златоуст.
Фреска в монастыре Дионисиат, Афон. XVI в.

себе для Иоанна Златоустого всю истину. «Противное Писанию или даже не находящееся в нём не может быть предметом веры».

...Итак, чтение Св. Писания является, по учению отцов, источником и мерилom веры для верующих. Не заблуждения и ереси порождает оно, как страшилась колеблющаяся в вере своей Римская Церковь, но, напротив, защищает от ересей, поддерживает правую веру. «Справедливо, – учит Златоустый, – называет Христос Писания дверью. Они приводят нас ко Христу, открывают нам познание Бога. Они охраняют овец и не допускают волков. Эта крепчайшая дверь сопротивляется входу еретиков, сохраняет нас в целости и не допускает нас к блужданию. И если бы мы не преступали её порога, никогда не могли бы побеждать нас враги наши. Через неё познаём мы и пастырей и не-пастырей. Кто не пользуется Писанием, а проходит другим путём, тот есть вор» (Беседа 59-я на Ин).

Ереси существуют, распространяются и процветают только вследствие невежества в Писании, только вследствие пренебрежения его изучением и косности к изучению.

«В этом причина всех зол – в неведении Писаний. Без оружия идём мы на войну – и как можем

спастись? И с ними-то трудно спастись: как же без них? Не сваливайте всего на нас: вы овцы, но не лишённые разума, а разумные» (Беседа 9-я на Кол).

«Великое есть ограждение от греха – чтение Писаний; великая стремнина, глубокая бездна – неведение Писаний. Неведение Писаний есть важная препона спасению; сие неведение породило ереси, развращаемую жизнь и всеобщее неустroение» (Беседа 3-я о Лазаре).

Все верующие должны по мере сил своих читать, изучать и исследовать Писание и таким образом веровать Христу, говорящему в Церкви через Писания, не позволяя соблазнять себя даже и ангелу, сходящему с неба, если он проповедует что-либо несогласное с сим открытым и ясным для всех благовествованием. Если бы все исполняли и могли исполнять эту свою обязанность, то необходимость проповеди и учительства значительно была бы ослабленной, по словам Златоуста. Но она является необходимой по нерадению и легкомыслию верующих, по некоему небрежению народа церковного. Таким образом, всякий верующий христианин, обладая источником и мерилom истины, обязан всегда быть готовым от- дать отчёт в вере своей.

...Предание, как присущее Церкви и принятое Церковью, есть, собственно говоря, самосознание Церкви, но не Церкви местной, а Церкви повсюдной, вселенской, и не Церкви как представительницы времени, а обнимающей и объединяющей в своём сознании всю вереницу времён и приходящей, таким образом, к самому своему началу – к первоисточнику истины. Но для того Церкви должен всегда быть присущ ретроспективный взгляд, религиозное соединение себя со стариною, поскольку эта старина получила внешнее выражение в слове и деле. В церковных спорах Церковь проверяет своё самосознание через проверку, т. е. через анализ и синтез своего предания.

...Ввиду всего вышеизложенного, вера «духовенству», клиру или иерархии не может быть настолько слепой и безотчётной, как того требует зачастую сам г. Тихомиров. Но, во-первых, Церковь – не «духовенство», не клир и не иерархия, а полнота верующих, скреплённая иерархией как вышним мерилom исторической преемственности. «Церковь есть некоторая форма справедливости, общее право всех; сообща она молится, сообща работает, сообща испытывается» (свт. Амвросий Медиоланский). Во-вторых, Церковь не

В этом причина всех зол – в неведении Писаний. Без оружия идём мы на войну – и как можем спастись? И с ними-то трудно спастись: как же без них? Не сваливайте всего на нас: вы овцы, но не лишённые разума, а разумные.

тождественна с данным каким-либо проявлением её во времени, не ограничена настоящим, но связана со всем прошлым через предание и с будущим – надеждою. В Церкви нет посвящённых и непосвящённых, как в языческих таинствах или составленных в подражание им масонских ложах. Всякий верующий может и должен по мере возможности сопоставлять проповедуемое ему учение с полнотою предания церковного... не с точки зрения собственного своего одинокого ума или собственного одинокого чувства, а с точки зрения предания церковного и Писания, для всех открытых и для всех доступных.

...Никто, может быть, не осуждал так иерархию своего времени, как Григорий Назианзин. Никто не изображал такими яркими красками печальное состояние всей современной ему Церкви. «Слёз достойно настоящее наше положение», – говорит Иоанн Златоуст. Неужели же они критиковали Церковь? Нет, только грустное положение Церкви своего времени. Неужели они осуждали Церковь? Нет, только церковных деятелей своего времени, только те обстоятельства, которые привели к такому печальному положению, и те условия, в которые поставлена была Церковь. Итак, не Церковь

страстно критиковали вызывающие негодование г. Тихомирова люди, а ложное положение, в которое она поставлена, и безмолвие и бездействие её, прямо из этого положения вытекающие.

...Ещё легче отвечать нам на клеветнический упрёк «в открито выражаемом стремлении сверху донизу переделать Церковь». Кого это стремятся переделать покорные силе стоящей в веках Церкви православной? Единую, Соборную, Святую, Апостольскую Церковь, неизменную в течение всех двадцати столетий, которые она пережила? Но мы ведь и протестуем только против переделок, которые претерпела она, правда, во внешнем только своём устройстве, но которые тормозят, однако, жизнедеятельность её, препятствуют ей всецело исполнять своё назначение. Следуя святым отцам в различении между Церковью и условиями данного её положения и в возможности и необходимости критического к нему отношения, мы желаем только того, чтобы восстановилось заторможенное ныне действие всех тех канонических, которыми начертала Церковь строй собственного своего управления, или, точнее, самоуправления, чтобы Церковь свободно жила той жизнью, строй которой начертала она в силу апостольского предания

соборными своими постановлениями. Не переделать сверху донизу Церковь стремимся мы, а указать и обратить внимание на совершившиеся уже в ней переделки и по мере сил своих радеть об их устранении, ибо мы твёрдо убеждены, что недуги современного общества могут быть исцелены и уврачеваны только Церковью, вступившей в права свои, самоуправляющейся так, как в силу апостольских преданий постановила она себе самоуправляться, вернувшейся в тот строй, который создала она себе собственным своим самоопределением.

«В Церкви не имеют места ни высокомерие начальствующих, ни раболепство подчинённых. ...Тогда бы и меньший мог приносить пользу больше. Ибо, если Моисей от тестя своего, язычника, узнал нечто полезное, что сам не знал (установление законов и начальствующих лиц для народа (Исх 18:19–27)); то тем паче бы надлежало быть тому в Церкви. ...И ныне, если один не говорит полезного, пусть другой встаёт и говорит. Хотя бы он был меньший, но если предлагает что-нибудь полезное, предпочти его мнение, хотя бы он даже был последний, – не оставь без внимания» (Златоуст. Толкование на Послание к коринфянам. Русск. пер. с. 239). ☩

«Поистине Бог творит чудеса, но и нам надо работать»

Фрагменты дискуссии во время одного из двух завершающих круглых столов конференции «Духовные итоги революции в России...» (ответы участников на вопрос «Существует ли какой-либо положительный смысл опыта, пережитого Россией в XX веке? В чём Вы его видите?»)

Фото: А. Каплина, С. Прокудин-Горский, В. Ратников

Никита Игоревич Кривошеин: Фридрих Энгельс утверждал, что суть истории сводится к соотношению производительных сил и производственных отношений. На самом деле в ходе истории задействованы высшие силы, они и содействовали – чудодейственно – бескровному обвалу Советов.

Ведь тоталитаризм рождает зло и отмщение, и не будем забывать, что когда Советы рухнули, было ещё очень много живых палачей, которые не только расстрельные списки подписывали, но и напрямую действовали. Они могли мстить. Но, видно, за последние десятилетия коррозия коснулась и их, а главное – народ устал и не хочет больше крови и баррикад, а потому в 1991 году Советы пали как карточный домик. Несмотря на антиселекцию,

эта империя зла была населена огромным количеством хороших людей, которые отвергли мщение!

Олег Вячеславович Щербачёв: Сегодня неоднократно звучало это слово – антиселекция. Произошедшее в нашей стране было её самопожиранием, причем истреблялись именно наилучшие люди страны, её духовная и культурная элита. Я не знаю, был ли вообще в мировой истории прецедент, сопоставимый с этим по своему замыслу и масштабу реализации. Конечно же, плоды этой антиселекции (а этот вопрос имеет не только духовное измерение, генетика – это и физика, и химия, то есть материя) мы продолжаем пожирать до сих пор и будем пожирать ещё несколько поколений. Но прав

Никита Игоревич: всё-таки эксперимент не удался, и Россию и в 1930-е, и в 1940-е годы, и сейчас населяли люди, которые могли бы стать зёрнами возрождения.

Мне очень понравилось завершение размышлений Никиты Игоревича по поводу мщения. Часто (здесь я грешен) меня охватывает некое ветхозаветное чувство, что кровь мучеников вопиет к Богу и требует отмщения. Это какое-то глубинное чувство справедливости. Но мы знаем, что в наше время потомки палачей порой приносят покаяние за своих дедов или прадедов. Это уже очень серьёзный духовный сдвиг, очень многообещающий, говорящий, что не всё потеряно.

Феликс Вельевич Разумовский: Мне кажется, говоря о причинах победы революции в

Конференция проходила в ноябре 2017 года в здании Культурно-просветительского центра «Преображение», которое 15 лет назад было разрушающейся заброшенной старой сельской школой на месте бывшей усадьбы (фото слева)

России, нужно выделить такое явление, как отречение народа от своей земли, от своего призвания, от своего служения, от своей культуры. Причём отрелись все сословия. И этот процесс не преодолен до сих пор. Поруганная красота русской земли – следствие трагедии национального отщепенства, массового отречения именно от основ национального бытия. Когда едешь по нашей стране, невольно начинаешь вспоминать знаменитую серию фотографий Прокудина-Горского, показывающих, как Россия выглядела накануне катастрофы. Эти фотографии не Бог весть какого художественного качества, не пейзажи Левитана, но это документ. На них есть очень ветхие домишки и заборы, но это совершенно неважно. Земля была исполнена красоты. Сегодня она изуродована, и процесс деградации продолжается семимильными шагами. Позволю себе напомнить, что для русского человека

земля – понятие основополагающее и фундаментальное. Более того, зрелище очеловеченного окультуренного пространства для русского человека имеет глубочайший духовный смысл. Это, скажем так, «умозрение в пространстве». Так вот, разрушение красоты «светло светлой и красно украшенной Земли русской» началось практически сразу, с октября 1917 года, с обстрела Московского Кремля большевиками. «Москва мерзкая как никогда», – напишет об этом Бунин в «Окаянных днях». Дальше – больше, мерзость всё время нарастала, и через сто лет распространилась уже практически на всё пространство. Между тем, хозяйственная деятельность ещё долгое время как-то «держала» землю и, отъехав за пределы Московской кольцевой дороги, можно было увидеть ту самую Россию, которая запечатлена на фотографиях Прокудина-Горского. Сейчас этого нет практически нигде. Из всей серии фото-

графий¹ лишь один вид уцелел, не изменился до сих пор – «Вид на речку Городенку в Суздале». Произошла утрата лица земли, и, живя в России, мы оказались как бы на чужбине.

Осмыслено ли произошедшее? Скажем прямо, крайне недостаточно. Начнём с того, что в 1918 году русская интеллигенция готовит к печати сборник «Из глубины» (к этому времени уже многие сидят в концентрационных лагерях, в ЧК не по одному разу). Это совершенно новое осмысление России. В статьях сборника болезнь беспочвенности и отщепенства названа прямо. Говорится и о вине интеллигенции, и всего образованного слоя. То есть началось постепенное отрезвление, опаматование... Власть вмешалась немедленно: как вы знаете, тираж сборника был уничтожен, сохранились и вывезены за границу только два экземпляра.

Одновременно началось массовое возвращение людей в

¹ В России до отъезда в эмиграцию в 1918 г. Прокудиным-Горским было сделано более двух тысяч фотографий.

Когда едешь по нашей стране, невольно начинаешь вспоминать знаменитую серию фотографий Прокудина-Горского, показывающих, как Россия выглядела накануне катастрофы. Земля была исполнена красоты. Сегодня она изуродована, и процесс деградации продолжается семимильными шагами.

лоно церкви, к вере. Убедиться в этом несложно, достаточно посмотреть хронику... Какие многолюдные крестные ходы проходили в 1918 году! Как встречали патриарха Тихона летом в Петрограде и Кронштадте (в городе, где ещё несколько месяцев назад убивали офицеров и адмиралов!). Потом, когда усилились гонения на церковь, это движение перешло в исповедничество и мученичество.

Иначе говоря, последствия катастрофы были как минимум разные. Рядом с разложением начиналось возрождение. Разумеется, большевики работали только на разрушение, они приговаривали историческую Россию, чтобы на её месте построить свой «новый мир». Так что во всех случаях благодарить их мы не станем. Ведь мы не благодарим Иуду за то, что Господь взойшёл на Голгофу.

Ольга Александровна Седакова: Первое, что я бы сказала: итоги подводить ещё рано, потому что всё это не кончилось. Рухнула доктрина, мифическая идеология. И слава Богу, конечно! Но очень многое остаётся

прежним. На наших глазах лепится искусственная идеология так называемого «национального единства». Но ведь единство – трудное слово. Единство бывает между *немногими* людьми. Между многими людьми бывает *солидарность*. И вот возрождение солидарности, я думаю, – это возможный путь из той пропасти, куда нас всё это привело. И к счастью, солидарность – это нечто противоположное принудительному коллективизму, который был все эти десятилетия. Проявление этой солидарности я вижу и в вашем движении, в Братстве, когда создаётся свободное, любящее, доверительное общение людей, и в филантропических волонтерских движениях, в сфере благотворительности. Именно здесь, мне кажется, может быть, и намечается выход из того нечеловеческого пространства, в которое мы зашли.

Священник Георгий Кочков: Ольга Александровна права, что по каким-то вопросам подводить итоги рано, потому что далеко не всё завершилось, да и вообще точка в этой трагической истории будет поставлена не скоро, и ещё не очень понятно, какая она будет. Надо, наверное, ещё не один раз к этим вопросам возвращаться.

Я считаю, что – да, потери были везде, везде и везде. Потери страшные. Здесь можно отталкиваться от любой точки, потому что везде зияющие дыры, и многое невосстановимо, вот что самое страшное. Есть вещи, которые нельзя возродить, нельзя вернуть из того, что хотелось бы возродить и вернуть (конечно же, есть и то, что и не хотелось бы возвращать, и слава Богу, что оно ушло – но какой ценой!). И всё-таки я стою по-прежнему на той точке зрения, что больше всего

Пятницкая церковь. Снято от Успенского монастыря. Старица.
Слева: фотография Прокудина-Горского, 1910 г. Справа: фотография В. Ратникова, 2013 г.

пострадал человек – человек и человеческое общение, человек и церковь, человек и общество, человек и семья, человек и город или село, человек и нация. Здесь мы понесли самые тяжёлые потери. Человек за это время стал действительно массовым со всеми инстинктами человека толпы, и в чём-то справедливы оценки, что такой человек ниже животного. Человек стал слабым, безликим, в массовом масштабе больным или заражённым разрушительной идеологией. Но в то же время – не благодаря, а вопреки Катастрофе! – он показал пример святости и подвига, нашёл новые пути для обретения соборности и личности. Обретены какие-то такие глубокие экзистенциальные вещи, о которых XIX век и начало XX-го не знали и знать не могли.

Есть целое откровение общинно-братской жизни. Это всегда было в христианстве, без этого христианства нет, и всё-таки обрелось что-то совершенно новое на этом пути. И сегодня мы, говоря о соборности и личности, не просто базируемся на Хомякове, Достоевском или Бердяеве, мы

здесь обращены к будущему, здесь есть, что сказать на пользу и всему миру.

Конечно, наш народ переживает до сих пор тяжелейший кризис, он действительно потерял свою идентичность, он потерял своё лицо, как и наша земля. Всё смешалось, все смешались. Нет старого русского человека, нет старого русского народа, нет старого русского языка, нет старого русского качества жизни, даже русской кухни, русских песен, русского характера, русских умов. Практически нет настоящих русских традиций (стилизации я не беру в расчёт). У нас самый повреждённый и телесно, и душевно, и духовно (в том числе и психически) народ в мире. Нет никакого русского общества, нет русской культуры, как и русской земли, нет русских городов и сел. К сожалению, нет и старых русских богатств, в том числе художественных, культурных, проданных за бесценок. Много было просто уничтожено. Вот сейчас Феликс Вельевич вспоминал прекрасное собрание цветных фотографий Прокудина-Горского начала XX века, которые, к сожалению (на мой

взгляд, это неестественно, так не должно быть), хранятся в американской Библиотеке конгресса – да, мы можем сравнить, мы можем это увидеть, мы можем это чувствовать каждый день.

Наша страна по-прежнему страна-кладбище. Мы ходим по костям. Десятки миллионов жертв вопиют к небу, хотим мы того или не хотим, имеем мы желание мстить или не имеем, всё равно эта кровь вопиет к Богу. Иногда считается, что если мы не хотим мстить, значит, как бы этого и нет. А оно есть и никуда не денется никогда. До тех пор, пока Бог не простит этих звероподобных преступников, нет человеческих сил их простить. Ты можешь простить убийц своего отца, деда, но ты не можешь простить убийц десятков миллионов людей! Бог может. И мы стараемся присоединиться к Божьему действию. Поэтому 30 октября каждый год мы нашим братством во всё большем и большем количестве городов, мест, стран читаем имена жертв, среди которых много убийц, много палачей. И мы не смотрим, кто праведник, а кто грешник, кто здесь царь,

Потери были везде, везде и везде. Есть вещи, которые нельзя возродить, нельзя вернуть из того, что хотелось бы возродить и вернуть (конечно же, есть и то, что и не хотелось бы возвращать, и слава Богу, что оно ушло – но какой ценой!). И всё-таки я стою по-прежнему на той точке зрения, что больше всего пострадал человек. Здесь мы понесли самые тяжёлые потери.

а кто нищий. Мы не смотрим на различие национальностей. Мы молимся за всех погибших людей – верующих и неверующих, уж не говоря про их различное социальное положение.

...В мировом масштабе произошёл, на мой взгляд, за минувший век огромный цивилизационный сдвиг. Россия, Германия и Австрия в XX веке проиграли в конкурентной борьбе разных цивилизаций, вер и культур. Вместо них на первое место вышли Америка, Англия, Израиль. Христианский мир захлестнула варваризация и секуляризация, победили индустрия смерти и фабрика страха, индивидуализм и виртуализация. И мы впитываем в себя самое плохое, у нас нет никакой сопротивляемости, резистентности.

Что же касается того, что было хорошего после 1917 года, оно, как я уже сказал, родилось не благодаря, а именно вопреки господствующему тренду. Обнажился ад, но и приблизилось Царство Небесное! И одно от другого не оторвёшь.

Юлия Валентиновна Балакшина: Есть что-то неистре-

бимое в человеческой природе, какое-то движение жизни, которое на протяжении всех этих лет сопротивлялось этому ужасу. В этом смысле тезис Никиты Хрущёва, что «всё-таки на нашей земле было немало хороших людей» внушает надежду. Нельзя же до бесконечности опираться на вертикаль власти и говорить: «Народ такой, какой он есть, что же делать». Должен происходить перелом и, видимо, время для этого перелома уже настало.

Олег Вячеславович Щербачёв: Сегодня неоднократно звучала мысль о том, что несмотря на антиселекцию, всё равно в человеке есть что-то неуничтожимое, есть искра Божия, то, что вдунуто в него в акте творения. Эта неуничтожимость влечёт серьёзные богословские последствия. Для нашей проблемы это важно, потому что

всё-таки абсолютно уничтожить образ Божий, наверное, невозможно. Всегда останутся люди, славящие Бога, а следовательно, есть надежда. Поистине Бог творит чудеса, но и нам надо работать. Есть пороговый эффект, когда малые, казалось бы, дела накапливаются, и происходит некое качественное изменение. А может, и Бог, наконец, призывает с небес и видит, что люди стремятся к Нему, и поддерживает нас. Поэтому не будем терять надежду.

Александр Михайлович Копировский: Отец Георгий сказал: когда ад ближе, и Царство Небесное – ближе. В новых людях тоже происходит это разделение, расчленение: из одного и того же материала, вроде бы «массового», усреднённого вследствие происходившего в

Собор Воскресения Христова в Вытегре.
Слева: фотография Прокудина-Горского, 1910 г. Справа: фотография В. Ратникова, 2013 г.

XX веке, появляется не только человек массы; есть и жажда высшего. Невозможно стать дворянином, если ты не этих кровей, но есть понятие духовного аристократизма, и есть тяготение к нему в этих людях, происходящих «из ниоткуда», у которых нет корней.

И ещё: я согласен с тем, что отец Георгий сказал о мщении. Мне кажется, нельзя остановиться только на том, что мы не мстим. Помните, что происходит, когда в Апокалипсисе снимается пятая печать? Апостол «увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»² И Господь не говорит им: «Простите, и всё будет хорошо», Он им говорит, «чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»³. Количество

убитых за слово Божие в мире растёт, они должны когда-то «дополнить число». И тогда будет – не мечь их мучителям, конечно, но страшное, «судное» откровение от Бога обо всём. Только после этого возможна полнота прощения.

Юлия Валентиновна Баллашина: С трудом можно, наверное, собрать в едином слове то, что сегодня прозвучало. Я сидела и думала, что сегодня был прекрасный доклад о судьбе русского дворянства, а я могла бы сделать доклад о судьбе русского крестьянства, к которому принадлежали мои предки. Они были крестьянами русского Севера, не знавшими крепостного права, татаро-монгольского ига, выходцами из свободолюбивых Новгородских земель. Но вот район Архангельской губернии по реке Ваге, где жили мои предки, первым принял власть большевиков. Я специально в этом году предприняла экспедицию на родину своих прабабушек и

прадедушек, чтобы понять или почувствовать, как, почему они приняли это большевицкое рабство? Это был какой-то великий соблазн, который крестьяне не сумели распознать. Они умели жить в прекрасном природном мире, справляться со стихийными силами природы, но не имели навыка существования в истории и не имели того духовного опыта, который позволил бы им распознать соблазны хлебом, чудом, властью. Утопия, образ которой им внушали, оказалась ценнее жизни, ценнее реальности. Эту утопию они попытались воплотить в жизнь, навязать живой жизни как мёртвую головную схему. И если мы сейчас встаём на путь исцеления, то нужно ставить вопрос о благоговении перед жизнью – и перед Жизнью. Если мы научимся вслушиваться в Жизнь, а не навязывать себе и друг другу очередные готовые конструкты, может быть, тогда действительно что-то родится.

КФ

² Откр 6:9,10.

³ Откр 6:11.

Братский помянник

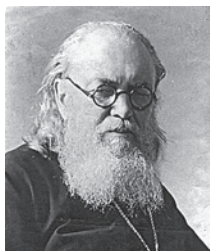

4 июня 1938 года на Бутовском полигоне был расстрелян иеромонах Вениамин (Эссен).

По происхождению барон, сын царского генерала и племянник знаменитого командующего Балтийским флотом адмирала фон Эссена, в 25 лет он принял монашество и стал членом Александро-Невского братства.

Отец Вениамин возглавлял один из молодёжных братских кружков, совершал иногда отдельные службы для братской молодёжи. В 1930–1932 гг. служил настоятелем в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Лесном, в котором собиралась часть Александро-Невского братства.

Когда его расстреляли, ему было 36 лет.

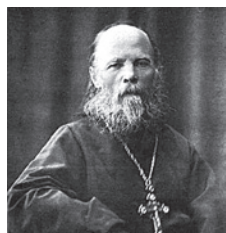

11 июня 1961 года скончался исповедник веры, знаменитый хирург, лауреат Сталинской премии архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

Благодаря его научным открытиям и разработкам по гнойной хирургии удалось спасти многих больных,

особенно большую роль они сыграли при лечении раненых во время войны.

Более 10 лет он, только что ставший епископом, провёл в советских тюрьмах и ссылках. Его подвергали «конвейерной» пытке бессонницей, заставляя дать на себя ложные показания, но он этого не сделал. В октябре 1941 г. ссыльный владыка был назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Ему неоднократно устраивали обструкции за ношение в публичных местах рясы, но уже при жизни поставили бронзовый бюст в епископских одеяниях в галерее выдающихся хирургов в Институте неотложной помощи им. Склифосовского в Москве.

22 июня 1923 года отошёл ко Господу святой праведный Алексей Мечёв.

Отец Алексей, настоятель храма Святителя Николая Чудотворца в Клённых на улице Маросейка, очень тяжело переживал раннюю смерть горячо любимой жены (она умерла в 1901 г.). Отец Иоанн Кронштадтский, к которому он поехал за советом, предложил ему сделать основой богослужебной жизни прихода частое причащение (в то время было принято причащаться, как правило, раз в год, в Великий пост) и сказал: «Будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь,

что твоё несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет». Это слово отец Алексей принял как послушание. Вскоре он стал известен как старец, хотя монашества не принимал и всю жизнь оставался приходским священником в сане протоиерея.

По воспоминаниям сщмч. Сергия Мечёва, говоря прихожанам, искавшим напряжённой духовной жизни «погоди, у нас свой монастырь будет», о. Алексей имел в виду «не монастырские стены, а паству – семью, находящуюся под единым духовным руководством и связанную узами любви. В ней каждый человек живёт как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу...»

В разное время у отца Алексея бывали священник Павел Флоренский, философ Н.А. Бердяев, скульптор А.С. Голубкина, художники М.В. Нестеров и Л.А. Бруни...

В советское время отца Алексея дважды вызывали на «собеседование» в ОГПУ, запрещали принимать верующих, однако он не был подвергнут репрессиям из-за тяжёлой болезни.

26 июня 1939 года отошёл ко Господу игумен Варсонофий (Верёвкин).

Иеромонах Варсонофий стал одним из руководителей Александро-Невского братства после ареста всех троих его основателей в 1922

году. Вместе с иеромонахом Варлаамом (Сацердотским) они укрепляли братчиков в вере и братской жизни. «Жизнь общины не только не замерла, но продолжается, отливаясь в ещё более прекрасные формы. Думается, так именно и должно быть в Церкви Христовой», – писал в это время из ссылки еп. Иннокентий (Тихонов).

Отец Варсонофий возглавлял одну из тайных общин Александро-Невского братства, проживавшую в Старом Петергофе под Петроградом в подворье Серафимо-Дивеевского монастыря. О жизни общины вспоминали соседи: «Общение с батюшкой Варсонофием и сёстрами было как праздник, светлым и радостным. Сёстры, несмотря на занятость, всегда были готовы помочь. На службах всегда было очень много народу. Сёстры занимались с детьми Законом Божиим, было две группы, занятия проходили в храме. Отец Варсонофий, будучи человеком образованным, помогал по математике. Никогда не отказывал в служении молебнов на дому в дни Ангела или по другому случаю».

После ареста в 1932 году о. Варсонофия приговорили к 10 годам лагеря, а почти всех сестёр из его общины – к меньшим срокам лагерей и ссылок. Через год о. Варсонофий как инвалид первой группы (сильно развившаяся болезнь Паркинсона) был сначала переведён из лагеря на поселение, а последние годы мог жить на 101-м километре от Ленинграда – в Великом Новгороде. Похоронен на Петровском кладбище в Новгороде неподалёку от могилы еп. Макария (Опоцкого). **КФ**

Памяти митрополита Корнилия

Михаил Поликарпов. Фото: Мария Патрушева

Недавно мы узнали, что в Эстонии скончался митрополит Корнилий, и сразу вспомнилось, как он встречался с нашей паломнической группой восемь лет назад, в 2010 году. Перед встречей мы внимательно читали биографию владыки, чтобы найти общие темы для разговора, и узнали, что он родился в 1924 году в Таллине, в семье полковника царской армии, после революции оказавшегося в Эстонии. Его путь к священству начался в 1930-е годы под влиянием заведующей школой, активного деятеля РСХД Т.Е. Дезен. Большое значение имело для него общение со священником Валерием Поведским из круга о. Алексея Мечёва. В 1957 году он был арестован за «антисоветскую агитацию»: хранение книг религиозного содержания, беседы с верующими. В 1960 году после освобождения вернулся в Эстонию. Всё это было нам очень интересно и близко.

И вот 8 июля 2010 года предстоятель Эстонской православной церкви принял нас в своей таллинской резиденции. Накануне он предстоял на богослужении в храме Иоанна Предтечи в пригороде Таллина – в том храме, в котором служил после своего освобождения из заключения в 1960 г.

Владыка попросил нас рассказать о себе. Услышав о Свято-Филаретовском институте, сразу вспомнил отца ректора, священника Георгия Кочеткова. Оказалось, владыка регулярно получает газету

Митрополит Корнилий (Якобс) в своей резиденции с паломниками Свято-Троицкого малого православного братства. 2010 г.

«Кифа», а в библиотеке есть её подшивка. Получив в подарок шестой том сборника «Православное богослужение», он вспомнил, что у него в своё время был требник на русском языке. Сказал, что сам он считает, что тексты богослужений нужно не переводить, а править таким образом, чтобы церковнославянский язык был понятен всем. Но делать это нужно очень бережно.

Владыка интересовался, какие храмы мы посетили, и услышав про

кафедральный собор, сожалел, что из-за болезни сам не может в нём служить. В завершение встречи он благословил нас и напутствовал: «Трудитесь, молитесь, сосредотачивайтесь и идите вглубь, а не вширь».

Встреча всем нам запомнилась, остались от неё тёплые воспоминания и общая фотография.

Вечная память покойному владыке! **КФ**

Туркестанское православное братство

Текст: Любовь-Алиия Клеймёнова

В Туркестанской епархии, в городе Верном с 1868 г. существовало Семиреченское православное братство. После 1906 года в Ташкенте активную просветительскую деятельность стало осуществлять его отделение, называвшееся Религиозно-просветительным обществом. На фундаменте этого Общества и было создано Туркестанское братство в 1918 г.

Вот как вспоминает дореволюционное братство в своей автобиографической книге «Я полюбил страдание» свт. Лука Войно-Ясенецкий: «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошёл на одно из заседаний его... Видный протоиерей Михаил Андреев¹, настоятель приковальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьёзные беседы. Я, конечно, не знал, что они будут только началом моей огромной проповеднической работы в будущем».

19 января 1918 года было обнародовано Послание патри-

арха Тихона «к архипастырям и всем верным чадам Русской церкви». В нём святитель говорит о гонениях на церковь, предаёт анафеме творящих насилие, призывает стать на защиту Церкви. В этом послании есть и первый прямой призыв к объединению в братства и союзы: «А вы братие, архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления».

В Ташкенте это воззвание было опубликовано 1 июня 1918 г. в первом номере специально созданного епархиального издания «Туркестанский церковный вестник». В этом же номере размещена информация о предстоящем в июне епархиальном съезде духовенства и мирян в Ташкенте и программа вопросов, подлежащих рассмотрению на нём. В частности на первом съезде духовенства и мирян стоит вопрос утверждения выработанного особой комиссией Устава Туркестанского православного братства. Представить

в докладе Устав было поручено доктору медицины Валентину Феликсовичу Ясенецкому-Войно и миссионеру свящ. Василию Ильину.

На самом деле работа по созданию братства в ответ на призыв патриарха и резко изменившуюся ситуацию началась раньше. Уже в апреле 1918 г. в Ташкенте проходит общее собрание ташкентского Религиозно-просветительного Общества. На нём постановили: переименовать Общество в Братство, включив в задачи его деятельности миссионерскую и благотворительную. Было решено: «При чрезвычайной важности задач Братства крайне желательно, чтобы оно стало центром религиозно-просветительной деятельности для всей Туркестанской Архиепископии. Этой цели Братство может достигнуть только при самом широком сочувствии и активном участии духовенства и ревностных мирян всего Туркестанского края»². Председателем Братства был избран Валентин Ясенецкий-Войно. Тогда же была создана комиссия по выработке нового Устава.

Согласно этому уставу Братство ставило главной целью защиту православия от нападок неверия и противостояние безбожии.

¹ Андреев Михаил Михайлович (1871–1937) – протоиерей; исповедник веры. Окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. Рукоположен в 1893 г., направлен в Туркестан. До 1906 г. служил в Киргизии и г. Верном. С 1903 г. был членом совета Казанско-Богородичного (прежде Семиреченского) братства в г. Верный. Просветитель-миссионер, редактор журнала «Туркестанские епархиальные ведомости». Основал Общество

религиозно-нравственного просвещения в 1906 г., был одним из организаторов Туркестанского православного братства в 1918 г. С 1923 г. неоднократно подвергался арестам, ссылкам. Последний раз был арестован в 1937 г., приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Чимкенте.

² Туркестанский церковный вестник. 1918. № 1. С. 16.

На переднем плане фотографии: епископ Иннокентий (Пустынский) и священник Валентин Войно-Ясенецкий (справа)

Клирики составляли лишь десятую часть его членов. Церковной иерархии теперь не на кого было опереться, кроме как на церковный народ.

В состав Братства принимались люди православного вероисповедания. В 1918 году количество его членов «было 225 человек, из коих мирян 201 человек (преимущественно женщины 3/4, и 1/4 мужчины) и духовенства епархии (священноцерковнослужители) всего – 24 чел., из них из Ташкента 10 чел., 14 чел. из епархии»³. Духовным попечителем братства был правящий архиерей. В 1918 году это был епископ Иннокентий (Пустынский).

Руководил же Братством совет, состоявший из 18 членов во главе с председателем, который избирался на 2 года.

Братчики активно пошли в народ, диспуты проводились на независимых площадках, в арендованных помещениях, а не только в храме, как до революции. Большую роль как ведущие диспутов и бесед теперь играли

миряне, в Железнодорожном собрании, где служил прот. Михаил Андреев, они также получили возможность проповедовать в храме с амвона и хор стал народным.

В 1923 году, в период церковной смуты, когда епископ Иннокентий (Пустынский), опасаясь ареста, бежал из Ташкента, а обновленцы, сторонники ВЦУ, поддерживаемые НКВД, захватывали храмы, был создан Союз приходов. Эти события свт. Лука описывает так: «...Епископ уехал. В церкви бунт. Тогда протоиерей М. Андреев и я объединили всех оставшихся верными священников и церковных старост, устроили съезд оставшихся верных»⁴. Актив Союза опубликовал заявление «Почему мы не признаем ВЦУ», составленное и подписанное прот. Михаилом и о. Валентином; оно было разослано во все приходы. Позже, при аресте оно было приобщено к делу и стало одним из обвинений.

1 марта 1923 года прот. Михаил единогласно выбрали председателем Совета Союза приходов.

Среди руководства Союза был свящ. Валентин (Ясенецкий-Войно) и другие священники, бывшие членами и Туркестанского православного братства (прот. Леонид Лаврентьев, о. Василий Ильин и др.). Члены Совета Союза проповедовали в приходах, проводили публичные дискуссии со сторонниками обновленцев и личные беседы с сомневающимися.

31 мая 1923 года местным ГПУ по согласованию с центром было принято решение немедленно закрыть Союз. В это же время, в ночь с 30 на 31 мая, была совершена хиротония иеромонаха Луки в епископа Барнаульского. Вскоре все руководители Союза (прот. Михаил Андреев, еп. Лука (Войно-Ясенецкий) и еп. Андрей (Ухтомский)) были арестованы. И хотя члены Братства подали официальное заявление с просьбой отпустить их на поруки, оно не было удовлетворено. Так начался многолетний путь председателя Туркестанского братства, святителя Луки по тюрьмам и ссылкам.

КФ

³ ЦГА РУз, ф. И-66, оп. 1, д. 13, л. 4.

⁴ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание». М., 1995. С. 36.

Сами думайте, как лучше

Фёдор Петрович Чекан, крестьянин и отец четырёх священнослужителей, рассказывает, как случилось, что все его сыновья посвятили жизнь служению Церкви

Беседовала Анастасия Наконечная, фото предоставлено Свято-Паисиевским малым православным братством

На общей фотографии участников Паисиевских чтений 2017 года в центре Ф.П. Чекан вместе с сыном, архим. Паисием (Чеканом), наместником Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого (Кицканского) монастыря

Мне очень хотелось бы расспросить Вас, как Вы воспитывали своих детей в вере? Как получилось, что они оказались не просто верующими людьми, а теми, кто готов служить Богу и Церкви?

Мой отец родился в 1894 году. Ему было 12 лет, когда он начал в церкви читать Часы. С 1914 года, с начала Первой мировой войны, он воевал под Краковым, получил Георгия второй степени. У него

с собой на войне были Псалтирь и Святое Евангелие, он читал их вместе с сослуживцами.

Пять классов я закончил в 1948 году на одних пятерки. Меня заставляли вступать в комсомол. А я, когда в пятом классе был, читал Святое Евангелие. И решил не вступать в комсомол, подумал, что для этого придётся отказаться от Бога. Я и мой родственник – мы были первыми учениками в классе. И нас хотели заставить: «Вот, давайте, ребята, поступайте в комсомол, а потом и в институт поступите»,

Владыка Доримедонт, старший, восемь лет жил в Сергиевом Посаде, а потом его хиротонисали в епископы. Он был не гордый, со всеми бабами разговаривал, умел людей слушать... Это очень важно людям, особенно если умер кто-то из родственников или кто-то болеет...

держали до вечера. Но мой отец вступился за меня, забрал документы. И я всю жизнь работал на ферме. Дети мои окончили десять классов, и тоже, с Божией помощью, не были комсомольцами. И в школе, и в армии.

Четыре мальчика у меня: покойный епископ Доримедонт, игумен Харитон (он в Троице-Сергиевой лавре служит), архимандрит Паисий – все три монахи, а четвёртый, Онуфрий, протодьякон.

Один раз к владыке Доримедонту приехал в гости епископ из Португалии. Он всё не переставал удивляться, как Господь управил, что в нашей семье есть епископ, архимандрит, игумен и протодьякон.

У нас дружная семья, потому что нас девять. Среди внуков тоже есть священники.

Сколько же у вас всего священнослужителей в семье?

Если всех посчитать, то восемь.

А я после кончины супруги уже пять лет здесь, в монастыре, живу. Каждое воскресенье на службе бываю, у нас в семь часов литургия. Это для меня большой праздник.

А Вы сами как воспитывались в вере, как отец Вам помогал?

Он ходил в церковь, и я тоже. Он говорил: надо ходить в церковь. Есть тело, но самое главное – душа. Она от Бога. Но он не заставлял меня, и я не заставлял сыновей, они сами знали, что это хорошее дело – ходить в церковь. Когда они приехали из армии, поступили учиться в семинарию, потом в академию.

Владыка Доримедонт, старший, восемь лет жил в Сергиевом Посаде, а потом его хиротонисали в епископы. Он был не гордый, со всеми бабами разговаривал, умел людей слушать... Это очень важно людям, особенно если умер кто-то из родственников или кто-то болеет...

Трудно было в советское время в церковь ходить?

Конечно. На Пасху особенно тяжело было. Хороший у нас был священник, о. Анатолий, он сидел в лагере. Они с отцом Макарием, старцем монастыря Коч, были хорошие друзья. 9 лет вместе были в Воркуте.

Тяжело ему было. Народу мало ходило. Он говорил: «Братья и сёстры, приезжайте. Если не будете ходить в церковь, то закроют церковь». И постепенно люди начали ходить, а потом его вызвали ОБХСС и разные другие организации. Но он знал, как с ними общаться, и всё время молчал. А они говорили: «Что ты молчишь и ничего, ни слова не скажешь?» Один раз хотели закрыть лавку, где хромой старец продавал свечи и иконочки. У него забрали ключи и убежали далеко на поле. Потом стало легче, но из всех монастырей только монастырь в Жабках не был закрыт.

А Вы не боялись, что Ваши мальчики вырастут в вере и это им помешает при такой советской жизни? Не страшно Вам было за них?

Ну а что, будут снимать с должности на работе? Я работал на поле, они там помогали мне. Потом они меня спрашивали: «Отец, как Вы рассуждаете: жениться или остаться монахом?» «А я что? Я семь классов окончил, а потом на поле работал. А вы десять классов окончили, потом в семинарии учились четыре года. Сами думайте, как лучше». «Ну, остаёмся монахами». Только один из четверых женился.

Они всё время слушались Вас? Послушные были?

Конечно. Очень послушные.

Вы строгий папа? Вам нельзя перечить?

Отец я был серьёзный. Хоть и не надо было так. Сильно не бил. А так строго. Они не ходили в клуб, не танцевали. До армии ещё ходили на танцы, а после уж разом поступили учиться и перестали.

А у вас были священники в роду? Ваши прадеды?

Нет.

То есть это с Вас всё началось? Вы зародили такую традицию, что у Вас в семье священнослужители?

Я не заставлял их поступать учиться в семинарию, быть священниками. Важно быть христианами. Честно жить, читать Святое Евангелие... **КФ**

О своей революции французы спорили весь девятнадцатый век

Об этом в интервью рассказывает историк Андрей Александрович Тесля

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Андрей Шенье взошёл на эшафот,
А я живу – и это страшный грех.
Марина Цветаева (1918 г.)

Двести двадцать пять лет назад к власти во Франции пришло одно из наиболее радикальных революционных течений – якобинцы. Через несколько месяцев начался якобинский террор. За год террора на гильотине погибли королева Мария-Антуанетта (король был казнён раньше, а их малолетний сын доведен до безумия и смерти позже, уже после свержения якобинцев), множество представителей аристократии и буржуазии, в том числе культурной элиты страны (например, поэт Андре Шенье), многие более умеренные, чем якобинцы, деятели революции. Так же, как и у нас, количество жертв разные историки оценивают по-разному (хотя и нижний, и верхний предел оценок несопоставимы с количеством жертв советской власти): от 17–18 до 35–40 тысяч казнённых и сотни тысяч жертв гражданской войны в Вандее.

В 1917 году (а на самом деле и раньше) самые разные люди не могли не проводить параллели между событиями конца XVIII века во Франции и событиями начала XX века в России. Иногда эти параллели кажутся загадочными и странными: во время столпотворения народа на торжествах в честь бракосочетания Людовика XVI и Марии-Антуанетты многие попадали в котлованы или были затоптаны толпой, погибли 139 человек и сотни были ранены; трудно не вспомнить Ходынку... Кто-то из наших постоянных читателей вспомнит и дневниковые записи мая 1917 года: «Читали с Асей и Маей “Историю французской революции” Герье», – пишет в эти дни в своём дневнике князь Борис Вяземский; через несколько месяцев он будет растерзан озверевшими солдатами... Так что тема французской революции для нас – не чужая.

Рассматривают ли французы Великую французскую революцию в контексте покаяния? Несколько граждан Франции, в том числе верующих, которых мы спрашивали об этом, оправдывали её насколько могли. В 1990-е годы был возведён мемориал жертвам Вандеи – там, где, пусть в гораздо меньшем масштабе, чем у нас, революционеры во время гражданской войны творили то же самое: топили баржи с

людьми (в том числе женщинами и детьми), совершали массовые казни. Но каких-то особых переживаний по этому поводу, насколько я понимаю, во французском обществе нет, и весь минувший год их гораздо больше задевало воспоминание о Русской революции. Согласны ли Вы с этим?

Я бы с большей частью вопроса не то чтобы не согласился, но уточнил бы. Тема осуждения преступлений революции была

А.А. Тесля

В период якобинского террора на гильотине погибло не менее 17 тысяч человек

очень актуальна во Франции, но это было двести лет назад, в 1815 году. Собственно, Французская революция в активной фазе продолжалась (я просто напому) до 1814–1815 года, затем наступает режим Реставрации, белый террор, бесподобная палата¹, покаяние, воздвижение монумента на месте казни короля и так далее и так далее... Вся эта история заканчивается в свою очередь революцией 1830 года, одной из причин которой стал в том числе и пересмотр итогов революции, обеспеченный «сверху» весьма

радикальными средствами.

Споры о Великой французской революции во Франции продолжались очень активно на всём протяжении девятнадцатого века; во многом они были актуальны и в двадцатом. Сегодня, спустя более чем через двести лет после неё, французы, попросту говоря, во многом наконец просто жили с этим обстоятельством... Но если вспомнить накал страстей вокруг Великой французской революции в дни её 100-летнего юбилея, в 1889 году, или, например, реакцию на работы Франсуа

Фюре, которого в 1970–1980-х годах заподозрили в ревизионизме, в монархических пристрастиях², то мы поймём, что всё это вещи, очень близкие к нам, задающие целый ряд контекстов в свою очередь для русской революции.

Мне кажется, что здесь принципиально нужно разводить разные вещи. Одно дело, когда речь идет о жертвах революции, о погибших. Что касается этого, в значительной части французской исторической традиции есть многочисленные повествования как раз посвященные жертвам рево-

¹ «Несравненная» или «бесподобная» палата (фр. *Chambre introuvable*) – нижняя палата депутатов французского парламента, действовавшая в начальный период Реставрации Бурбонов после отречения императора Наполеона I. Палата была избрана 14 августа 1815 года. Поскольку большинство в этой палате (350 из 402 депутатов) составляли ультрароялисты, она, по выражению короля Людовика XVIII, была «несравненной». В период работы палаты ультрароялистское большинство инициировало принятие ряда мер, которые должны укрепить власть короля, а также законодательно закрепить Белый террор против противников режима и бывших революционеров. В частности, были введены военно-полевые суды. По постановлению палаты революционеры, голосовавшие за казнь Людовика XVI или

участвовавшие в ней, объявлялись цареубийцами и подлежали изгнанию из Франции.

Волна недовольства населения заставила Людовика XVIII распустить «несравненную палату» 5 сентября 1816 года. Следующий состав палаты депутатов был умеренным, однако в 1823 году ультрароялисты снова получили большинство.

² В 1970–1980-х гг. многие историки объявили его «ревизионистом», посягнувшим на святость революционного наследия, но его предсмертная книга выявила, что всю жизнь он хранил глубокий пиетет к революции и считал, что единственная революция совершилась в конце XVIII века. Большевики, по его мнению, лишь узурпаторы чужого слова и чужого наследия.

люции, причем на разных этапах, поскольку она, как любая революция, «пожирала своих детей», так что мартиролог персонажей «второй группы» зачастую одновременно является мартирологом тех, кто был во многом орудием страданий «группы первой».

Тут ведь всё перепутано... На мой взгляд, невозможно отнести к революции одно-значно. Например, невозможно ответить на вопрос, сформулированный в самом общем плане: «Революция – это благо или зло?», не пояснив «благо для кого», «благо где», «благо когда», «благо или зло с какой точки зрения»... В этом плане революция – это процесс. Это масса всего и масса разного. Например, русская революция, что важно, стала по своим последствиям мировой силой, как и французская. Она сказала и сделала что-то, что важно для людей во всём мире. Она стала откровением социальной свободы, знаменем протеста против мира, который утверждает, что ты свободен, но эту свободу ограничивает исключительно правовой сферой...

Но в результате этой революции получилось советское общество, гораздо более несвободное, чем до 1917 года.

Я сказал о порыве к свободе, а не о результате. Это разные вещи. Реальность этого порыва к свободе не обесценивается целиком, каким бы ни был результат. И то, что здесь считывается в мире другими – сто лет влияния русской революции – это же не результат обмана... Во многом европейские социальные го-

сударства возникли как ответ, как реакция на советское общество. Угроза социальной революции, угроза радикального слома, который демонстрировала Россия, очень сильно подталкивала Европу к поискам социального компромисса. Это стало особенно важно с 1960-х годов, причем и для правых, и для левых. Собственно говоря, это был ключевой момент, обеспечивающий консенсус – не только то, что власть имущие оказались способными договариваться, но и то, что для самих новых левых опыт реализации советской утопии тоже стал отрезвляющим.

Сегодня далеко не для всех в Европе опыт реализации коммунистического проекта остаётся отрезвляющим. На выборах президента Франции Меланшон, который говорит, что революция 1917-го года – это замечательное, положительное событие, набрал 15%.

Начнём с того, что всё-таки революция в глазах наблюдателя и в глазах того, кто оказался внутри этого процесса, – это разные вещи...

«Чем столетие интересней для историка, тем для современника печальней»³...

Разумеется. Но с безопасного берега глядя, – да, это потрясюще, это феноменально, это величественно. Что может быть прекраснее? И, кстати говоря, я бы оправдал это. На мой взгляд, 1917 год не целиком злой – в нём есть своя правда. Другое дело оправдывать весь советский эксперимент. Но ведь когда в со-

временной ситуации восхваляют 1917 год и апеллируют к нему, то имеют в виду социальное государство, которое находится под угрозой. Имеют в виду доступ к социальным благам и тому подобное и при этом ничуть не имеют в виду или имеют в виду исключительно риторически 1920-е или 1930-е.

Тем не менее очень многие люди, особенно те, кто вгляделся пристальнее в события 1917 года, утверждают, что это с самого начала была трагедия, Русская Катастрофа, уничтожение исторической России. Есть ли при таких разногласиях, которые существуют не только в обществе, но даже в рамках исторических конференций, надежда, что возникнет единая концепция этих событий, какой-то консенсус?

Консенсус и единая концепция – это разные вещи. Одно дело возможность говорить и понимать позиции друг друга. И понимать, что каждая из оптик имеет свои основания. То, что сейчас мы с вами, стоящие на столь разных позициях, говорим друг с другом – это как раз и означает, что возможность разговора и возможность взаимопонимания существует. А если мы предполагаем, что у нас возникнет единая позиция – это как раз предложение просто заменить кошмар одного единомыслия на кошмар другого. **КФ**

³ Из стихотворения поэта Николая Глазкова: «Я на мир взираю из-под столика, Век двадцатый – век необычайный. Чем столетие интересней для историка, Тем для современника печальней!»

Философия и «вторая культура»

Борис Колымагин

Время с 1960 по 1990 гг. по праву называют «бронзовым» веком русской поэзии (выражение Славы Лёна). В культурном подполье было создано немало замечательных стихотворений, значительно изменивших картину мира советского человека.

Среди тем, которые затронула «вторая культура», были и философские проблемы, для решения которых обращались к работам разных мыслителей.

На первом месте, безусловно, значился Гегель. Об этом свидетельствует хотя бы строчка Ольги Бешенковской: «Нас обжигали Гегель и псалмы». Немецкого гения читали. Но странствия абсолютного духа в религиозных системах и философских школах не стали, однако, предметом поэтических медитаций. Как не стал им и строгий голос Канта, хотя Виктор Кривулин написал «Категорический императив», где фигурирует житель Кенигсберга в пространстве новой реальности. Актуальным философом для поэтов оказался Сёрен Кьеркегор.

Согласно учению датского мыслителя, гегелевская философия примирила все противоречия в ничего не значащем синтезе, сняв тем самым антропологическую проблему. Но человек – не абсолютный дух, не спекулятивный разум. И чтобы прийти к истинной вере, ему нужно пройти тернистый путь внутреннего освобождения. Кьеркегор, как известно, выделял три стадии человеческого существования: эстетическую, этическую и религиозную, считая иронию, к которой нередко прибегали поэты андеграунда, важным моментом экзистенции.

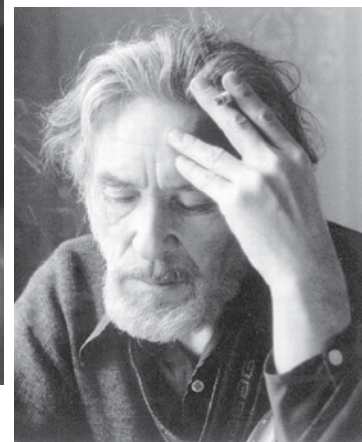
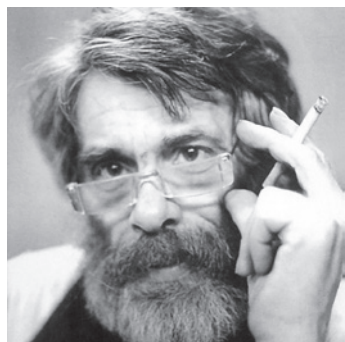
Юмор помогал сделать шаг от эстетики к этике и религии. Философский дискурс, заданный протестантским писателем, присутствует в произведениях целого ряда авторов. Мы не можем с точностью сказать, читали ли все они произведения Кьеркегора, но его идеи, что называется, витали в воздухе.

Сёрен Кьеркегор (1813–1855)

Приведем несколько примеров философско-поэтической игры. Так, в стихах Вениамина Блаженного живет экзистирующий юморист, о котором писал житель Копенгагена. Обыгрывая «Памятник» Пушкина, лирический герой в простоте душевной восклицает: «И, быть может, умру я не весь, а всего лишь на треть». Противоречие и связанный с ним юмор заключены в этом «на треть», – математической точности бессмертия...

В похожем комическом ключе развивает свои мысли о времени Виктор Кривулин: «От сотворенья мира скудных лет / шесть тысяч с хвостиком. Итак, хвостато время! / как пёс незримый ходит между всеми. / Шесть тысяч лет, как дьяволово семя / взошло тысячелистником на свет», – автор играет с фундаменталистским прочтением Библии.

Слева направо: Вениамин Блаженный, Виктор Кривулин, Игорь Бурихин, Александр Величанский, Геннадий Айги

Стоит отметить, что комизм, о котором идёт здесь речь, существовал в культурном подполье наряду с «черным юмором», самым ярким выразителем которого был Д.А. Пригов. Приговский смех закрывал реальность, превращая её в симулякр. Но в самиздате продолжал звучать и другой, идущий от Гоголя, смех.

Вернёмся, однако, к Кьеркегору. Игорь Бурихин написал пародию на единственное «ветхозаветное» стихотворение Бродского «Исаак и Авраам» (1963): «Суровый Авраам / родил Исаака. Оный Исаак / подвигнул Киркегора, что родил / известный опус Или-или. Сталин, / воспользовавшись этим заголовком / для маленькой заметки, возродил / Россию из. Другой / Иосиф – Бродский / родил Исаака и Авраама. Звуки / звонкого систра несутся, несутся. / В рощах томно они отдаются!».

«Отец всех народов» появляется в бурихинском тексте как соц-артовская реплика, а вот Кьеркегор становится своеобразным контрапунктом Бродскому, поскольку было известно, что последний находился под сильным впечатлением от трактата «Страх и трепет». В трактате Авраам предстаёт «рыцарем веры», который «верит силой абсурда». Бродский, напротив, перенёс акцент с отца на сына, с сакрального на душевное. И Бурихин в своём экзерсисе обыграл такое перенесение.

Часто обращается к образу датского мыслителя и его идеям Александр Величанский. В стихах «Всю жизнь я бился слепо с преджизненной тьмой» он показывает образ человека, прорывающегося в другую реальность. Человека, для которого «был каждый миг – последний / ужасный, чуть живой».

В стихотворении «Спасенье безопасно» излагается одна из проблем, связанных с горизонтом веры. Согласно Кьеркегору, у религиозного человека возникает отчаяние, поскольку он одинок перед Богом. И это отчаяние контрастирует с рациональ-

ной убеждённости христианина-обывателя, что он всё делает правильно и непременно попадёт на небеса. Профессиональный христианин – пастор – часто играет роль такого обывателя. Разоблачению этой роли философ посвятил не одну страницу своих книг. Величанский представляет только один из сюжетов саморазоблачения: ««Спасенье безопасно», – / сказал суровый пастор / своей суровой пастве, / не опасаясь впасть / в ошибку, в жизнь, в отчаянье». Поэт, вслед за философом, подчёркивает, что наставник суров, он не знает юмора. И на самом деле не понимает, как можно спастись. Говоря о сотериологии, Величанский вслед за Кьеркегором не впадает в ригоризм, и переводит разговор на экзистенцию: «И это замечанье / услышал я случайно – / никто меня не спас».

Экзистенциальные темы существуют в андеграунде наряду с проблемами онтологическими. Скажем, Геннадий Айги погружается в мир в его целостности. И в то же время воспринимает каждый предмет, каждое специфическое пространство как особую духовную реальность, связанную со всем космосом. Он демонстрирует новую предметность, противопоставляя её вербализму и фальшивой эмоциональности. Это видно на примере стихотворения «Возникновение храма». Церковь появляется из золота и напряжения в пространстве одиноко стоящего слова и игры шрифтов: «вдоль – напряжение! // и // твердостью светлости // ВВЫСЬ». Так духовность Айги оказывается завязанной на формальные вещи: белом листе бумаги, синтаксисе, молчании.

Примеры легко продолжить. Бытийные темы присутствуют у О. Седаковой, Д. Авалиани, С. Стратановского...

Философия жила в андеграунде. И религия питала творчество самых разных неофициальных поэтов... **КФ**

Другие КНИГИ

больше, чем чтение

www.drugieknigi.com

По любым вопросам
вы можете звонить на номер
+7 922 600 1681

ДРУГИЕ КНИГИ – это проект о книгах и обо всём, что с ними связано: о чтении, отзывах, рецензиях, общении.

Мы предлагаем Вам замечательные книги небольших издательств, которые трудно найти на видных местах в книжных супермаркетах.

Наши книги о христианстве, истории религии, философии, психологии, культуре или просто хорошие детские сказки рассчитаны на неспешное и вдумчивое чтение. На тёплый разговор о прочитанном с другом за чашкой чая. Они придут на помощь, когда хочешь подарить что-то важное и значительное. Или напротив – нежное и изящное.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

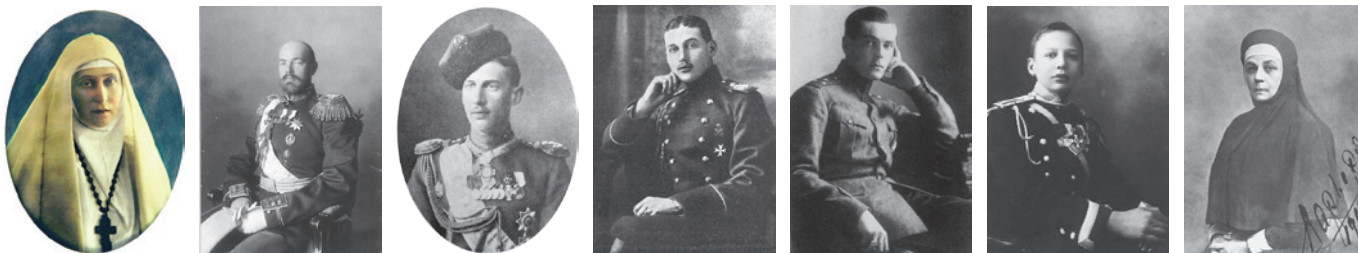
<http://c.sfi.ru/>

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

О дате начала красного террора историки спорят так же, как и о дате начала гражданской войны в России. Кто-то отсчитывает его от первых дней октябрьского переворота (а то и вспоминает, что впервые это словосочетание озвучили в 1906 году эсеры, и в первое десятилетие двадцатого века от рук террористов погибло более 17 тысяч человек, среди них – как минимум пять министров и пять губернаторов). Кто-то цитирует Троцкого («не позднее, чем через месяц, террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров») и Ленина («война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам») – обе цитаты датированы декабрём 1917 года. Кто-то напоминает о февральском декрете СНК, «узаконившем» бессудные расстрелы. Те же, кто по-прежнему ориентируется на советскую историографию, считает началом постановление Совнаркома от 5 сентября 1918 года «О красном терроре».

Событие, столетие которого приходится на июль этого года, неизбежно вносит свои коррективы в эти хронологические споры. В течение двух дней 4(17) июля в Екатеринбурге и 5(18) июля в Алапаевске тайно и по способу осуществления палачески подло были убиты почти все члены семьи Романовых, до которых могли в тот момент дотянуться большевики. Семья отрекшегося императора, покорно принявшая судьбу ссыльных, и четверо приближённых – доктор Е.С. Боткин, камер-лакей А.Е. Трупп, горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов – были застрелены ночью в подвале екатеринбургского дома отставного военного инженера Ипатьева. Их останки вывезли за город, залили серной кислотой и сожгли.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и её келейница Варвара (Яковлева), великий князь Сергей Михайлович и управляющий его делами Фёдор Ремез, князья императорской крови Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и князь Владимир Павлович Палей были вывезены за Алапаевск к одной из заброшенных шахт железного рудника Нижняя Селимская. Их сбросили в шахту, забросали гранатами, потом завалили жердями, брёвнами и присыпали землёй. Когда позднее тела были извлечены из шахты, стало ясно, что кто-то погиб практически моментально, а кто-то остался жив и после падения и умер от голода и ран.